

своего носительства, для своего выражения и новых людей: новых классов, новых народов, новых возрастных сил. Только лучшая часть из состава носителей старых жизненных форм может превзойти свое собственное первоначально-оформившееся существо, остальные уходят из жизни вместе с воплощаемыми ими идеями.

Беря во внимание все это, как же следует нам молодежи держать себя в отношении нашего старшего поколения? Ответу лишь одним, ибо все нужное тут было сказано и общеизвестно, — что нам следует проявить как можно больше ответственных чувств бережности, ответственности и меры, чтоб не впасть нам в роль одного и зсыновей Ноя, откуда, как известно, исходит начало всякого хамства. А его и без того так бесконечно много в нашу и великую, и подлую эпоху, что целые движения окажутся, быть может, ничем иным, как движениями хамства.

Никитин Л.

Третье решение *)

КРЕСТЬЯНСТВО И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

VI

Крестьянская психология, выработывавшаяся вековой практикой с.-х. промысла, не склонна к прямой дедукции, к изобретению новых форм из ничего, к творчеству одного воображения.

Свойственным ей методом является так называемый **индуктивный** метод, который в приложении к политической экономии может быть изложен следующим образом:

1) **наблюдение** экономических явлений;

*) Настоящий очерк является продолжением «Политической экономии крестьянства» (см. «Третья Россия», №№ 2 и 3).

- 2) отыскание в них **двух факторов**: а) влияние природы и б) влияние человека;
- 3) отыскание **законов природы**, которых человеку **не дано изменить**;
- 4) сравнение различных способов воздействия в части доступной влиянию человека;
- 5) проверка сделанных выводов на практике.

Приложение экспериментального метода возможно почти в любой момент и почти во всяком индивидуальном хозяйстве. При изучении же более сложных комплексов (хозяйств городских, земских, национальных и мирового), опытная проверка выводов, сделанных путем индукции, становится чрезвычайно трудной, а подчас прямо невозможной.

Это обстоятельство, с одной стороны, является чрезвычайным препятствием для проникновения мыслящего крестьянства в сущность вопросов, выходящих за пределы села или волости, но в то же время является и залогом будущего прогресса его. Дело в том, что **история человечества** содержит в себе немало примеров разного рода экономических экспериментов национального, а иногда почти мирового масштаба, но узнать об них, об их результатах можно лишь из книг, из ученых трудов. И крестьянство самой сущностью дела вынуждается искать содействия интеллигенции: в лице ли современников или в трудах уже почивших в мире тружеников мысли — это не меняет дела. И по мере выхода крестьянства на арену политической жизни связь его с интеллигенцией и их взаимное понимание будут расширяться, углубляться и крепнуть.

Но «хождение в народ», «опрошение» интеллигенции может рассчитывать лишь на ироническое отношение со стороны крестьянства. Такая интеллигенция для него бесполезна.

VII

Крестьянство выдвигает людей мысли и творчества и из своей среды, но нужно признать бесспорным фактом, что все они рано или поздно неизбежно отрываются от него и сливаются с интеллигенцией. И действительный, реальный успех крестьянского дела и крестьянских идей вовсе не заключается

в наибольшем по численности проникновении в интеллигенцию, в чиновничество, в учительство, а в победе **крестьянской психологии** и не путем законодательным или административным, а путем насыщения ею литературы и науки, прозы и поэзии, теории и практики.

Совершенно не важно, что кто то из крестьян сделался ученым или поэтом, экономистом или государственным деятелем, а **важны те идеи**, которые они впитали в себя из крестьянской среды и внесли в гражданский или ученый мир, в качестве **«крестьянского»** вклада в обще-мировую сокровищницу прогресса и знания. Не только у крупных фигур, вроде патриарха Никона, Ломоносова и Шевченко, но и у всех других интеллигентов, вышедших из крестьянства, есть характерные общие черты: индуктивный метод мышления, умение наблюдать жизнь, осторожность в выводах и заключениях, практичность предлагаемых решений и настойчивость в их реализации. Их успехи проявляются преимущественно в **сфере прикладных наук и искусств**.

Нет ничего удивительного и в обратном явлении: в том, что не вся литература, не всякое искусство и не все научные доктрины могут иметь успех в крестьянской среде. И если интеллигенция говорит: «есть мужик и мужик!..», то и крестьяне имеют полное основание сказать: «есть интеллигент и интеллигент», «есть книга и книга», «есть теория и теория». Особенное презрение вызывает к себе в крестьянской психологии, продажная пресса («Скажи ты мне, гадина, сколько тебе дадено!»). Недостаток образования, тоска по грамоте, по знанию у крестьян выливается в преувеличенное доверие «ко всему, что написано» черным по белому и в повышенные требования, предъявляемые к писателю. Творения, лишённые внутренней идеи; авторы, которым нечего сказать, ничего не говорят и крестьянству, которое всюду ищет совета на свой вековечный вопрос: «почему ему живется и не вольготно и не весело на Руси?».

И если оно не найдет ответа на этот вопрос ни у Белинского, ни у Гоголя, то не их понесет оно с базара, а быть может Библию, Коран, Зенда-Вест или Сакия-Муни. Белинский, Гоголь (не говоря уже о Луначарском, Горьком, Бухарине и о целой плеяде **«служителей»** печатного слова, кающихся при

первом же начальственном окрике), это только эпизоды, крестьянство же извечно.

Французский поэт Мистраль выразил это с пророческим прозрением, которое делает иногда поэтов глубочайшими философами, в следующей форме: «Крестьяне, вам будет принадлежать господство на земле!».

Проф. Роже Гранд пишет, между прочим: *)

«Правители, воины, промышленники и купцы, ученые, писатели, поэты, артисты проходят. Крупные владельцы меняются с переменой социальных или политических систем. Один только земледелец, уцепившись за почву, которую он обрабатывает своими руками, взрывает с помощью орудий и на которой он обосновал очаг своей расы, один только крестьянин выживает и переживает даже падение той цивилизации, которая его создала.

«В Нильской долине, где давно уже забыты богатства фараонов, феллах по прежнему ведет свою примитивную соху под благодетельными лучами солнца по слою ила, принесенному великой рекой. В Алжире и Марокко, берберы и кабилы являются осадком очень древней расы земледельцев, которая пережила временные господства и Карфагена, и Рима, и Византии, и вандалов, и мавров, и которую наша (французская) оккупация затрагивает лишь с поверхности».

И как в балладе поэта «богатырь себе пляшет да пляшет, хотя в Днепре уже заплескались русалки», так и в жизни в то время как столетия сменялись столетиями; Египет, Греция, Рим цвели и ивядали; в то время как жрецы Перуна уступали свое место христианскому причту; монголы наводняли Русь и таяли в ее просторах; в то время как триста лет царили Романовы, а правили страной 40.000 столоначальников, и в наши дни, когда свирепствует чека...

мужик себе пашет да пашет!

Н. Иванов.

*) Статья «Agriculture d'abord», последний выпуск «Вопросы дня», № 2, апрель 1924 г.